

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО В РАБОТАХ ДМИТРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ХОМЯКОВА¹

Дмитрий Хомяков, старший из выживших сыновей Алексея Степановича Хомякова (двое, родившихся ранее, умерли в раннем детстве), очень поздно и тяжело выступил со своими публицистическими работами. Следует, вероятно, с самого начала заметить, что Дмитрий был человек тяжелый на подъем и не склонный к устойчивому труду – много знавший и читавший, он редко писал, а тем более сколько-нибудь объемные тексты, общественная деятельность также мало подходила ему – приняв участие в войне 1877 – 78 гг. в качестве одного из уполномоченных славянского комитета по санитарно-медицинской части, он вызывал постоянные опасения и заботы со стороны И.С. Аксакова, командировавшего его. Последний так характеризовал его в письме к матери 7 мая 1877 г. из Москвы:

«Умен, очень благороден, все достоинства имеет, но Хомяк, - натура пассивная и негативная, гораздо больше Языковского² в его природе. Он и сам заявил, что требует толчка и кнута, и не хочет самоуправления, а зависимости. Думаю, что он может быть полезен не столько внешнею своею деятельностью, сколько нравственным своим влиянием на молодых людей, которые будут там, и своими советами, направлением и познаниями»³.

Последующие годы существенно не изменили характера Дмитрия Алексеевича, сторонившегося публичной деятельности, в основном проявлявшем себя в небольших кружках единомышленников, да и там избегавшего первых ролей. Однако одно дело составляло явное исключение – это забота о славянофильском учении, в том плане, в каком он его понимал, сохранение целостности доктрины и памяти об отце, перед которой он благоговел. Им было предпринято издание сочинений А.С. Хомякова – работа над «Полным собранием сочинений» продолжалась на протяжении всей жизни сына (что, к сожалению, не отразилось благоприятно на его научном качестве – Дмитрия Алексеевича интересовала скорее доктринальная полнота, чем научная корректность издания, сильно уступающего аналогичному собранию, предпринятого братом и племянниками Ю.Ф. Самарина). Теми же причинами обусловлен и внезапный «взрыв» публицистической активности Д.А. Хомякова – до 1905 г. опубликовавший всего несколько разрозненных заметок и статей по отдельным вопросам, в 1905 – 1908 гг. он издает серию статей, объединенных единым замыслом и заглавием (которые уже в 1983 г. были собраны и опубликованы в виде книги еп. Григорием (Граббе)⁴).

Причиной такой необычной публицистической активности в старости стали события революции 1905 г. и непосредственно за ними следующие. Если до этого времени можно было сохранять верность славянофильским воззрениям в неизменном виде и надеяться на превращение абсолютной монархии в любезное славянофилам «самодержавие» в силу хода времени, то после 1905 г. стало понятно, что события развиваются в направлении, совер-

шенно отличном как от желаемых консерваторам, так и славянофилами. А.А. Киреев, близко знакомый с Хомяковым и поддерживавший с ним личные контакты на протяжении десятилетий, фиксирует в дневнике в записи от 20 февраля реакцию на манифест 18-го февраля и рескрипт Булыгину, объявлявший о намерении созвать законосовещательное представительство: «На моих московск[их] друзей (Д. Хомяков) Рескрипт, дурно понятый, произвол удручающее впечатление. “Finis Russia, - пишет он, - воображая, что это начало конституции”» [2, 32]. Сам Киреев в это время настроен куда более оптимистично, видя в законосовещательном представительстве возможность осуществления идеи правильного земского собора, приспособленного к обстоятельствам изменившегося времени. Однако подводя итоги 1906 г. и сам он уже согласен с выводами своего московского друга: «Хомяков видит finis Rossia. В том, что уничтожается община, да ведь все три устоя России – самодержавие, православие и народность – поколеблены до основания и едва ли снова утвердятся. Итак, finis нашей Rossia, а иное может ли быть? Едва ли!» [2, 184 (запись от 31 декабря 1906)].

В данной ситуации, не питая особенных иллюзий относительно ближайших перспектив, Хомяков решает сделать то, что не удалось, не успелось поколению отцов – дать систематическое выражение основ славянофильского учения. Эту цель он преследует в серии статей 1905 – 1908 гг. «Православие», «Самодержавие», «Народность»⁵.

Хомяков демонстрирует приверженность славянофильству в том его виде, в каком оно сложилось к концу 50-х годов, не принимая последующей эволюции учения и фактически пытаясь ограничить его систематизированным изложением взглядов отца. Весьма критично он относится к эволюции взглядов славянофилов 60-х – 80-х гг., не проговаривая сути замечаний, однако явно неодобряя взглядов А.И. Кошелева, Ю.Ф. Самарина, кн. В.А. Черкасского, а отчасти и И.С. Аксакова, деятельность которого в целом оценивается положительно:

«Один Ив. Аксаков, с его неутомимой и истинно подвижнической деятельностью на почве публицистики, сколько-нибудь спасал от совершенного потопления традиции того направления, которого он был наследственным провозвестником. Его поэтически целостное мировоззрение оказалось во многом последовательнее и ближе к основному, чем то, которое старались к жизни применить более логически закаленные единомышленники. И.С. Аксаков не поддавался практическому увлечению, тогда как другие пожелали сделаться деятелями на новой, зыбкой почве и не всегда умели удержать всю внутреннюю целостность направления, в выработке коего принимали не последнее участие» [4, 152]

В еще большей мере, чем отход младших славянофилов от основ учения, славянофильству повредило его влияние в атмосфере консервативного поворота 2-й половины 60-х – 80-х гг., когда на славянофильство обращали внимание скорее по некоему кажущемуся внешнему созвучию, видя в нем некую разновидность консерватизма, не обращая внимания или игнорируя основы оригинального учения:

«...Люди, менее живо и глубоко понимавшие русское направление и недодуманно уцепившиеся за него, как за спасительный якорь от всяческого западного зла (Катков и его последователи), совсем спутали многое, вполне ясно выработанное и выясненное (quoad systemam) “Русской Беседой” [прим. Д.Хомякова: «Под “Русской Беседой” я подразумеваю направление, а не самый журнал»], и на место его выдвинули сомнительного происхождения суррогаты, не замечая под русскими названиями их заморского происхождения» [4, 152].

Хомяков очень редко говорит своими словами, сознательно или бессознательно избегая этого, предпочитая цитату или перифраз из сочинений основоположников славянофильства, в первую очередь своего отца (второе место по частоте существенных упоминаний занимает К.С. Аксаков, чьи взгляды на природу русского государства в наибольшей степени созвучны Дмитрию Алексеевичу). Подобная ориентация на основоположников проявляется и в терминологических предпочтениях – если И.С. Аксаков уже в период издания «Дня» сначала с оговорками, а затем и отбросив их принимает «славянофильство» как обозначение своего направления, то Д.С. Хомяков уже в начале XX века сохраняет верность первоначальному отношению «славянофилов» к данному прозвищу как уничижительно-неверному прозвищу⁶. Сам он говорил о «так называемом “славянофильстве”» [4, 153], о «московских мыслителях, которых можно определить названием сотрудников “Русской Беседы”» [4, 150], о «русском направлении» [4, 150], в качестве наиболее точного предпочитая «православно-русское направление», поскольку «рядом с настоящим русским направлением, которое точнее можно назвать православно-русским, появились две новых русских партии (sic): русских государственников и русских народников, которых постоянно смешивают не вникающие в суть вопросов с так называемым “славянофильством”, т.е. с православно-русским направлением, тогда как они далеко от него отходят и едва ли даже с ним примиримы “по существу”» [4, 153].

Этот терминологический консерватизм, или скорее даже реакционность, характерен для взглядов Хомякова в целом – так, в отличие от отца, большого любителя технических новинок, пробовавшего себя (вроде бы даже относительно успешно) в роли изобретателя, сын решительно осуждает всякие технические новшества последнего столетия, как не принесшие истинного блага человечеству и в конечном счете избыточные или явно вредные:

«Мы не знаем ни одного изобретения, мы не знаем ни одного научного открытия (оспопрививание?), которые были бы нужны для народа. [...] Если бы изобретение пара или электричества были вызваны потребностью живою, оно, конечно, и принесло бы плоды общепользные; а эти две силы только поработали на пользу капитализма и, конечно, во вред массам, вовсе не нуждавшимся ни в замене ручной работы искусственной силой, ни в быстром передвижении. Если и укажут на то, что все эти изобретения имеют, так сказать, приятные стороны, то на это нельзя не заметить, что без таковых они бы и не пошли в ход и именно они все служат человеческим слабостям, которые и дают им ценность; а таковая вся утилизируется меньшинством. Но в некоторых случаях, как, например, при введении машин хотя бы в ткацком деле, измышлению ума бы-

ли принесены в жертву целые человеческие гекатомбы» [4, 126, прим. 1].

Единственное существенное нововведение в славянофильское учение, осуществляемое Д.С. Хомяковым, не менее характерно: противопоставляя Восток и Запад, культуру и цивилизацию (ход мыслей, нехарактерный для славянофильства, отражающий уже идейные влияния начала XX века), Хомяков явно отдает предпочтение Востоку, относя к последнему и Россию, «эту представительцу Востока в его лучшем смысле» [4, 184], чуть ранее высказываясь менее решительно но в том же духе:

«Русский народ в отношении духовном ближе стоит к жителям разноплеменной Азии, чем к европейцам, но между русскими и азиатами (разноплеменными) глубокую черту разграничения провело Христианство: оно в нем “просветило” так называемое созерцательное настроение, дав ему более высокий и более конкретный идеал, и оно же избавило его от коснения, несовместимого с истинным Христианством, не поработив, однако, погоне за исключительно внешним прогрессом – по “стихиям мира”, вечная погоня за коими (для подчинения их себе) западного человека сводится, в сущности, к его порабощению ими» [4, 176 – 177].

И в основных, программных текстах Хомякова, и в его публицистике 1904 – 1907 гг. характерно полное отсутствие позитивной программы – наибольшую его публичную активность вызывают акты правительства, направленные на разрушение общины, однако и здесь характерно, что община выступает скорее как фетиш, чем как реальный общественный или хозяйственный институт, самоценность, в отличие от заинтересованного и любовного, но живого отношения первых славянофилов. Позволительно сказать, что сами работы Хомякова служат явным подтверждением его ощущения внутреннего состояния славянофильства – тексты выступают как памятник учения, которое им самим отчасти уже осознается как мертвое.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование выполнено в рамках гранта от Совета по грантам Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта МК-1649.2011.6.
2. Матерью Д.А. была Екатерина Михайловна, урожденная Языкова, так что Николай Михайлович, известный поэт, приходился ему дядей.
3. ИРЛИ ф. 3 оп. 15, ед. хр. 17, л. 112.
4. Издание вышло в Монреале, в старой орфографии; московское переиздание 2005 г., к сожалению, содержит никак не оговоренную правку текста. В 2011 г. Институтом русской цивилизации предпринято новое издание текстов Д.А. Хомякова, подготовленное А.Д. Каплиным; тексты данного издания приводятся по прижизненным публикациям в современной орфографии. К сожалению, и в данном издании комментарии минимальны и исключительно фактографического плана; основная работа Д.А. Хомякова – «Православие. Самодержавие. Народность» осталась вовсе не откомментированной.
5. Оригинальные названия статей: 1) «Вступление к опыту построения понятия “Православие” в смысле просветительно-бытовом», 1905; 2) «Самодержавие, опыт схематического построения этого понятия» (1905 – 1906); 3) «Православие (как начало просветительно-бытовое, личное и общественное» (1908); 4) «Народность» (1908).

6. По истории терминов «славянофильство» и «славянофил» см.: [5, гл. 1]. Оценку Д.А. Хомяковым происхождения и истории данного термина см.: [4, 152 – 153; 240, прим. 2]

ЛИТЕРАТУРА

1. Каплин, А.Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 624 с.
2. Киреев, А.А. Дневник. 1905 – 1910 / сост. К.А. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 472 с.
3. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 639 с.
4. Хомяков, Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. / Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А.Д. Каплина; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 576 с.
5. Цимбаев, Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 274 с.